

Замѣтка о „Скупомъ рыцарѣ“ Пушкина.

«Вашъ великій поэтъ подшутилъ надъ своей публикой, сославшись на небывалаго въ Англіи поэта». Таковъ былъ вкратцѣ отвѣтъ издателей англійскаго журнала *Athenaeum*, къ которымъ П. В. Анненковъ обращался съ просьбой сообщить ему свѣдѣнія о «загадочномъ Ченстонѣ». Пушкинъ, какъ извѣстно, самъ указалъ на трагедію этого писателя «The Caveteous Knight», какъ на источникъ «Скупаго рыцаря», но всѣ старанія Анненкова найти эту піесу оказались тщетными. Категорическій отвѣтъ авторитетнаго англійскаго журнала окончательно убѣдилъ почтеннаго изслѣдователя въ томъ, что «Скупой рыцарь» представляетъ вполне оригинальное, самостоятельное произведеніе. «Причину же, побудившую Пушкина отстранить отъ себя честь первой идеи» П. В. Анненковъ видитъ «въ боязни (поэта) примѣненій и неосновательныхъ толковъ». По его наблюденію, Пушкинъ «изъ суевѣрной робости въ литературныхъ произведеніяхъ» неоднократно выдавалъ свои оригинальныя сочиненія за переводныя (А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи, 2-е изд., С.-Пб. 1873, стр. 277—279).

Съ аналогичнымъ же сужденіемъ объ источникѣ «Скупаго рыцаря» встрѣчаемся мы и въ замѣткѣ А. И. Кирпичникова, помѣщенной въ февральской книжкѣ *Русской Старины* 1899 г. Изслѣдователь, вслѣдъ за г. Анненковымъ, заподозриваетъ у Пушкина «личныя причины для мистификаціи, къ которой онъ прибѣгнулъ въ «Скупомъ рыцарѣ». Письма поэта къ брату и къ В. А. Жуковскому даютъ, по мнѣнію московскаго профессора, «положительныя указанія на то, что молодой

Пушкинъ испытывалъ очень серьезныя непріятности именно отъ безсердечной расчетливости отца». «Что же касается, замѣчаетъ онъ далѣе, «до наиболѣе трагическаго момента драмы, когда отецъ сознательно клеветаетъ на родного сына, обвиняя его передъ начальствомъ въ «зломъ преступленіи», я полагаю, что источникомъ въ данномъ случаѣ біографическій фактъ, а именно та тяжелая сцена между Пушкинымъ, пріѣхавшимъ изъ Одессы, и отцомъ его, вслѣдствіе которой поэтъ самъ просился «въ одну изъ крѣпостей».

На страницахъ той же *Русской Старины* 1899 г. (май) была напечатана замѣтка о «Скупомъ рыцарѣ» Н. О. Сумцова (эта замѣтка съ нѣкоторыми дополненіями перепечатана въ «Харьковскомъ Университетскомъ Сборникѣ въ память Пушкина» 1900 г.), въ которой авторъ признаетъ «біографическій элементъ» въ драмѣ Пушкина «второстепеннымъ и довольно далекимъ». И въ самомъ дѣлѣ, врядъ-ли возможно допустить, что единственнымъ источникомъ «Скупого рыцаря» были непріятности, которыя пришлось протерпѣть молодому Пушкину, благодаря скупости его отца, и то печальное недоразумѣніе, которое произошло между поэтомъ и Сергѣемъ Львовичемъ въ селѣ Михайловскомъ въ 1823 году. Нельзя не согласиться съ Львомъ Поливановымъ, который въ примѣчаніи къ драмѣ Пушкина, комментируя приведенное нами сужденіе г. Анненкова, замѣчаетъ: «То личное чувство нужды въ деньгахъ, почти ребяческое недовольство, выражавшееся въ его письмахъ, гдѣ онъ упрекалъ своего отца въ недостаточномъ содержаніи, которое получалъ отъ него, не могло бы еще дать матеріала для созданія трагическаго положенія» въ «Скупомъ рыцарѣ». Далѣе въ указанной нами статьѣ профессоръ Сумцовъ высказываетъ мысль о томъ, что въ «Скупомъ рыцарѣ», въ противоположность Гоголевскому Плюшкину, «нѣтъ ничего русскаго, національнаго». «Трудно допустить», говоритъ онъ, «такую отрѣшенность образца отъ національной почвы безъ прямого воздѣйствія иноземнаго источника». Къ сожалѣнію, изслѣдователю не удалось открыть этотъ «иноземный источникъ» драмы Пушкина. Отмѣтивъ сходство «Скупого рыцаря» съ одною сценою въ комедіи Яндрича «*Lyubomirovich, ili priatel pravi*», изданной Миклоушичемъ въ Загребѣ въ 1821 году, въ которой фигурируетъ скупецъ Фабіанъ, г. Сумцовъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, что Пушкинъ непосредственно заимствовалъ сюжетъ для своей драмы у

мало извѣстнаго хорватскаго поэта. Сравненіе піесъ этихъ двухъ славянскихъ писателей навело изслѣдователя на мысль о существованіи для нихъ обоихъ «одного иноземнаго литературнаго источника». Но что это за общій литературный источникъ піесъ Пушкина и Яндрича— на этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта въ статьѣ профессора Сумцова.

Все въ томъ же 1899 году въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 126) помѣщена коротенькая статья В. Е. Якушкина подъ заглавіемъ: «Пушкинъ и Ченстонъ», изъ которой мы узнаемъ, что покойный В. П. Гаевскій, судя по одной замѣткѣ, сохранившейся въ его бумагахъ, признавалъ возможнымъ искать Пушкинскаго Ченстона въ англійскомъ писателѣ Шенстонѣ (Shenstone). «Пушкинъ», по словамъ г. Якушкина, «не всегда правильно передавалъ на русскій языкъ иностранныя собственныя имена. Вотъ почему, не найдя Ченстона, можно искать англійскаго автора съ похожею фамиліею». Самъ г. Якушкинъ не могъ достать въ Москвѣ всѣхъ сочиненій Шенстона, а потому обратился къ «петербургскимъ изслѣдователямъ», интересующимся Пушкинымъ, съ предложеніемъ навести справку о томъ, что не существуетъ ли Шенстонъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и не имѣется ли въ его сочиненіяхъ указанной Пушкинымъ піесы. Мы имѣли случай познакомиться съ находящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ двухтомномъ собраніемъ сочиненій Вильяма Шенстона (род. въ 1714 г., ум. въ 1783): «The works in verse and prosa of William Shenstone»—1764 г. и еще съ однимъ томомъ его писемъ (съ 1739 по 1763) изданномъ въ 1769 году. Первый томъ сочиненій Шенстона состоитъ изъ одъ, пѣсенъ, балладъ, юмористическихъ стихотвореній, шутокъ (levities, or pieces of humour) и moral pieces (правовучительныхъ стихотвореній), среди которыхъ мы находимъ и лучшее произведеніе поэта «The Schoolmistress». Эта поэма (впервые напечатанная, въ неполномъ видѣ, въ 1737 г., а въ окончательной формѣ въ 1742 г.), а не піеса или комедія, какъ ошибочно называли ее гг. Анненковъ и Якушкинъ, представляетъ «шуточное подражаніе Спенсеру» («a burlesque imitation of Spenser»). Второй томъ содержитъ: «Essays on men, manners and things» (Опыты о людяхъ, нравахъ и вещахъ), а также стихотворенія, адресованныя Шенстону его друзьями. Такимъ образомъ, въ этомъ собраніи сочиненій Шенстона пресловутой трагедіи «The Caveteous Knight» не оказывается. Нѣтъ никакого указанія на

эту піесу, а также вообще на то, чтобы Шенстонъ писалъ драматическія сочиненія и въ обстоятельной о немъ статьѣ, помѣщенной въ превосходномъ и солиднѣйшемъ изданіи Сиднея Ли (Sidney Lee): «Dictionary of National Biography» (v. LI).

Въ высшей степени интересномъ очеркѣ «О подражательности нашихъ первоклассныхъ поэтовъ» (*Русская Старина*, 1888, № 1) А. Д. Галаховъ указалъ на близкое сходство монологовъ «Скупого рыцаря» съ монологомъ скупого врача Двининга въ романѣ Вальтеръ-Скотта «Пертская красавица». По замѣчанію изслѣдователя, переводы романовъ знаменитаго англійскаго писателя, въ которыхъ попадаются много лицъ, «зараженныхъ скупостью», стали появляться у насъ на Руси въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Левъ Поливановъ придаетъ большое значеніе указанію А. Д. Галахова для рѣшенія вопроса объ источникѣ драмы Пушкина. Какъ мы уже знаемъ, г. Поливановъ полагалъ, что одно «личное чувство нужды въ деньгахъ», одно «почти ребяческое недовольство» Пушкина на отца за «его равнодушіе» къ безденежному состоянію поэта, «не могло бы еще дать матеріала для созданія трагическаго положенія». «Но», продолжаетъ изслѣдователь свою мысль, «перенесенное силою фантазіи въ среду средневѣковыхъ отношеній, оно послужило къ созданію этого благороднаго сюжета. Перенести дѣйствіе въ эту сферу несомнѣнно помогъ ему Вальтеръ-Скоттъ». Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что монологъ Двининга (съ которымъ читатели могутъ познакомиться въ указанной статьѣ г. Галахова, либо въ его же «Исторіи русской словесности», изд. 3-е (1883 г.), стр. 219, или еще въ 3-мъ томѣ сочиненій Пушкина, изд. Л. Поливанова (1887 г.), въ примѣчаніи къ «Скупому рыцарю») содержитъ въ себѣ нѣсколько мыслей и выраженій, которыя встрѣчаются и въ монологѣ «Скупого рыцаря».

Не претендуя вовсе на окончательное разрѣшеніе спорнаго вопроса объ источникѣ «Скупого рыцаря», мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя на піесу англійскаго писателя Мильмана: «Fazio», въ 1-й сценѣ I-го акта которой мы находимъ нѣкоторыя черты сходства съ драмою Пушкина. Не желая преувеличивать значеніе этого указанія, слѣшимъ замѣтить, что, выступающій въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ піесѣ «Fazio» скупой, Бартоло, играетъ въ ней лишь эпизодическую роль. Онъ появляется всего одинъ разъ, въ 1-й сценѣ

I-го акта и въ той же сценѣ умираетъ. Разговоръ, весьма непродолжительный, который онъ ведетъ съ героемъ пьесы—Фаціо, мало имѣетъ общаго съ содержаніемъ «Скупого рыцаря»; большій интересъ представляетъ для насъ другой діалогъ, который происходитъ между Фаціо и его женою Біанкою до появленія самого Бартоло на сценѣ. Эта трагедія Мильмана, думается намъ, была извѣстна Пушкину. Нашъ поэтъ могъ прочесть ее въ однотомномъ Парижскомъ изданіи 1829 года, въ которомъ собраны, кромѣ сочиненій Мильмана, еще произведенія Боульса, Барри Корнвала и Вильсона (*The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall*). По мнѣнію Анненкова (*Материалы для біографіи Пушкина*, стр. 277) и М. Л. Михайлова (въ предисловіи къ переводу драматической сцены Барри Корнвала «Людвикъ Сфорца» — *Русское Слово*, 1860, № 3), Пушкинъ именно въ этомъ изданіи познакомился съ столь имъ излюбленными драмами Барри Корнвала, а также и съ трагедіею Вильсона «*The City of the Plague*» (Чумной Городъ), 4-ю сцену I-го акта которой онъ, съ небольшими измѣненіями, касавшимися только пѣсни президента и пѣсни Мэри Грэй, перевелъ подъ заглавіемъ «Пиръ во время чумы»¹).

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самомъ писателѣ и объ его пьесахъ вообще. Генрихъ Мильманъ (*Henry Hart Milman*) родился въ 1791 г., былъ священникомъ, нѣкоторое время читалъ лекціи о поэзіи въ Оксфордскомъ университетѣ и умеръ въ 1868 г. въ Лондонѣ, въ санѣ настоятеля церкви Св. Павла. Мильманъ извѣстенъ главнымъ образомъ какъ авторъ историческихъ и богословскихъ трудовъ (*History of Jews*—1829, *History of Christianity to the Abolition of Paganism*—1840 и «*The History of Latin Christianity*—1854»). Но кромѣ этихъ сочиненій Мильману принадлежитъ еще нѣсколько поэтическихъ произведеній, какъ на примѣръ трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ—«Фаціо», большая трагическая поэма «*Samog*», драматическія поэмы:

1) Подстрочный переводъ 4-й сцены I-го акта Вильсоновой трагедіи «Чумной Городъ» и обстоятельный пересказъ содержанія всѣхъ остальныхъ сценъ этой пьесы мы находимъ у Льва Поливанова въ 3-мъ томѣ его изданія сочиненій Пушкина 1887 г., въ примѣчаніи къ «Пиру во время чумы». Несмотря на это еще недавно С. Ч....въ («Замѣтки о «драматическихъ сценахъ» Пушкина». Москва. 1898) «настойчиво выражаетъ желаніе увидѣть, наконецъ, прозаическій переводъ указанной выше сцены англійской пьесы, для того, «чтобы судить, что изъ дивныхъ подробностей этой чудной пьесы принадлежитъ исключительно гению нашего поэта».

«Анна Бoleyнъ», «Антиохійскій мученикъ» (the Martyr of Antioch), «Belshazzar», «Паденіе Іерусалима» (The Fall of Jerusalem), нѣсколько еще болѣе мелкихъ поэмъ и стихотвореній. Изъ всѣхъ этихъ поэтическихъ произведеній Мильмана насъ интересуеетъ одна только его трагедія «Фаціо», его первое литературное дѣтство, напечатанное въ 1815 году. Піеса эта пользовалась въ свое время большимъ успѣхомъ, которому не мало способствовала превосходная игра первыхъ исполнителей главныхъ ролей: Карла Кэмбля (Фаціо) и миссъ О'Нейлъ (Біанка). Впослѣдствіи въ роли Біанки особенно отличалась Фанни Кэмбль. Знаменитая Ристори перевела «Фаціо» на итальянскій языкъ и въ роли несчастной жены Фаціо производила потрясающее впечатлѣніе на зрителей, какъ въ Лондонѣ, такъ и на континентѣ.

По свидѣтельству самого Мильмана, фабула піесы заимствована изъ «Varieties of Literature» (1795 г.). Въ первомъ томѣ этого литературнаго сборника, въ числѣ другихъ произведеній, находится переводъ новеллы итальянскаго писателя Граццини — «Гримальди», сюжетъ которой и внушилъ Мильману мысль написать «Фаціо»¹⁾.

Познакомимся вкратцѣ съ содержаніемъ «Фаціо». Герой піесы молодой алхимикъ Джиральди Фаціо проживаетъ съ женою Біанкою во Флоренціи²⁾ въ самой скромной обстановкѣ. Однажды поздно вечеромъ, Фаціо, услыхавъ стоны и крики на улицѣ, открываетъ дверь

1) Anton Francesco Grazzini, одинъ изъ основателей академій «degli Umidi» и «della Crusca», болѣе извѣстный подъ именемъ «il Lasca», родился во Флоренціи въ 1503, умеръ въ 1583 г. Изъ его сочиненій мы укажемъ на семь комедій: «La Gelosia», «La Spiritata», «La Strega», «La Sibilla», «La Pinzochera», «i Parentadi» и «L'Arzigogolo», на «Trionfi, carri, mascherate o Santi carnavaleschi dal tempo di Lorenzo de Medici a questo anno 1559», на «Novelli», которымъ онъ обязанъ главнымъ образомъ своею извѣстностью. Эти новеллы раздѣляются на три части или «cene» (prima cena, seconda cena, terza cena). Во главѣ 5-й новеллы «Перваго Ужина» помѣщено, въ видѣ заглавія, краткое изложеніе содержанія ея: «Guglielmo Grimaldi una notte, ferito, corre in casa Fazio brato, e quivi si muore; al quale Fazio maliziosamente ruba una grossa somma di ducati, e sotterratolo segretamente, finge, perché egli era anche alchimista, d'aver fatto ariente, e vasseno con esso in Francia; e fatto semblante di averlo venduto, in Pisa ricchissimo torna; e poi per gelosia della moglie accusato, perde la vita, e ella dopo ammazza i figliuoli e sè stessa». (Le Cene ed altre Prose di Anton Francesco Grazzini detto il Lasca. Riscontrate sui migliori Codici. Per cura di Pietro Fanfani. Firenze. Felice Le Monnier. 1857). О Граццини см.: *Magrini*. D. A. F. Grazzini detto il Lasca e delle sue opere in prosa e in rima. Umola. Galeati. 1879.

2) У Граццини мѣсто дѣйствія новеллы въ Пизѣ.

своего дома и видитъ передъ собою сосѣда, стараго Бартоло¹⁾, извѣстнаго богача и скрягу. Старикъ рассказываетъ ему, что онъ подвергся нападенію разбойниковъ. Раны, нанесенныя Бартоло, оказались настолько серьезными, что онъ на глазахъ у Фаціо умираетъ. Тогда въ голову молодого алхимика приходитъ мысль воспользоваться исключительно благопріятнымъ случаемъ разбогатѣть. Онъ снимаетъ съ пояса умершаго ключи, которые открываютъ ему доступъ къ сундукамъ скупца и дѣлается такимъ образомъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей во Флоренціи. Эту рѣзкую и внезапную переимѣну, происшедшую въ жизни Фаціо, всѣ объясняютъ себѣ тѣмъ, что онъ разгадалъ тайну созданія золота, открылъ философскій камень. Фаціо дѣлается центромъ вниманія флорентійскаго общества. Даже гордая красавица маркиза Альдабелла обращаетъ на него свои благосклонныя взоры, и пылкій, легкомысленный герой пьесы не остается хладнокровнымъ къ ея чарамъ. Жена его, Біанка, удостовѣрившись въ его измѣнѣ, въ припадкѣ безумной ревности, рѣшается жестоко отомстить мужу. Она идетъ на засѣданіе совѣта, въ которомъ разрѣшается вопросъ о загадочномъ исчезновеніи старика Бартоло и заявляетъ, что тѣло скупца похоронено въ саду Фаціо и что послѣдній одинъ знаетъ какимъ образомъ погибъ Бартоло. Но каково было ея отчаяніе, когда совѣтъ приговорилъ мужа къ смертной казни за убійство Бартоло. Фаціо отводятъ подъ стражею въ темницу. Біанка бѣжитъ къ друзьямъ мужа, даже къ ненавистой соперницѣ и умоляетъ ихъ заступиться за Фаціо, но всѣ остаются глухи къ ея мольбамъ. Фаціо погибаетъ на плахѣ, а бѣдная Біанка умираетъ отъ разрыва сердца. Передъ смертью ей удается убѣдить герцога въ томъ, что казненный Фаціо не былъ повиненъ въ убійствѣ Бартоло. Маркизу Альдабеллу постигаетъ кара за ея коварное кокетство и безсердечность. Герцогъ ссылаетъ ее въ монастырь, а дѣтей Біанки беретъ на свое попеченіе²⁾.

1) Въ повелѣ скряга называется Гримальди.

2) По указанію Alphonse Royer (*Histoire Universelle du théâtre*, t. 5-e — *Histoire du théâtre contemporain en France et à l'Étranger depuis 1800 jusqu'à 1875*. Paris. Ollendorff. 1878. p. 121—122; 144—147) сюжеты двухъ французскихъ драмъ, а именно: *Clotilde* — Сулье (F. Soulié), представленной въ первый разъ въ Théâtre Français 11-го сентября 1832 г. и *l'Alchimiste* — Александра Дюма, представленной въ первый разъ 10-го апрѣля 1839 г. въ Théâtre de la Renaissance, заимствованы изъ трагедіи Мильмана. Сходство французскихъ пьесъ съ англійскою не подлежитъ никакому сомнѣнію,

Обратимся теперь къ интересующему насъ эпизоду о скупомъ Бартоло (I, 1), который мы приведемъ здѣсь въ прозаическомъ переводѣ:

Фаціо: Знаешь ли ты, Біанка, нашего сосѣда, стараго Бартоло?

Біанка: О да, да.... это тотъ желтый, жалкій человѣкъ, лицо котораго будто бы окрасилось въ цвѣтъ охраняемаго имъ золота. Каждый знаетъ его достаточно для того, чтобы чувствовать къ нему отвращеніе. Нѣтъ у него ни друга, ни родственника, ни близкаго, ни слуги, ни изможденной жалкой служанки. Ничто никогда не входило въ его ревниво оберегаемыя имъ двери, кромѣ его собственнаго топцаго тѣла, да еще одной бродячей крысы; и та, говорятъ, погибла тамъ съ голода. Что же ты скажешь о немъ?

Фаціо: Однако онъ, Біанка, одинъ изъ богатѣйшихъ у насъ людей. Нѣтъ ни одного корабля на морѣ, который бы не былъ нагруженъ добромъ Бартоло; нѣтъ ни одной пяди земли, ни одной виллы нашихъ гордыхъ принцевъ, которыя бы не были опутаны его закладными; только онъ одинъ наполняетъ наши тюрьмы своими должниками. Я видѣлъ, какъ онъ ползъ домой прошлою ночью; онъ вздрогнулъ, когда отперъ свою дверь, оглянулся вокругъ, какъ будто бы онъ принималъ каждое дуновеніе вѣтра за дерзкаго вора. И когда онъ заперъ за собою дверь, я слышалъ, какъ онъ двадцать разъ вертѣлъ ключемъ, желая удостовѣриться, все ли находится въ безопасности. Случайно я взглянулъ опять изъ нашего высокаго окна и видѣлъ движеніе его скудно мерцающаго фонаря, и тамъ, гдѣ старая, вѣтромъ расшатанная ставня была плохо заткнута остатками денежнаго мѣшка, сквозь паутину и густую пыль я высмотрѣлъ его лицо, похожее на высохшее лицо мертвеца; онъ любовался сквозь боязливо приподнятую крышку огромнаго сундука на монеты, драгоценности, слитки золота, на блескъ которыхъ падали тусклые лучи фонаря; казалось, будто «Новый Свѣтъ» (то-есть, Америка), избѣжавъ испанца, высъпалъ все содержаніе своихъ рудниковъ въ эту убогую лачугу. Его хорьковые

но мы замѣтимъ съ своей стороны, что драма Дюма обличаетъ непосредственное знакомство ея автора съ новеллою Градцини. Скрыга, богатствомъ котораго воспользовался Фаціо, названъ во французской драмѣ не «Бартоло», а точно такъ же какъ и у Градцини — «Гримальди». Затѣмъ коварная кокетка, которая увлекаетъ героя пьесы именуется въ *l'Alchimiste* «la Maddalena», опять-таки какъ въ итальянской новеллѣ.

глаза сладострастно наслаждались этими драгоценностями, подобно сатиру, любующемуся спящей нимфой. И когда вдругъ ему послышался шумъ, онъ поспѣшно захлопнулъ крышку и задулъ фонарь»¹⁾.

1)

Fazio.

Dost thou know, Bianca,
Our neighbour, old Bartolo?

Bianca.

O yes, yes —

That yellow wretch that looks as he were stain'd
With watching of his own gold; every one knows him,
Enough to loathe him. Not a friend hath he,
Nor kindred, nor familiar; not a slave,
Not a lean serving wench: nothing ever enter'd
But his spare self within his jealous doors,
Except a wand'ring rat; and that, they say,
Was famine-struck, and died there. — What of him?

Fazio.

Yet he, Bianca, he is of our rich ones.
There's not a galliot on the sea, but bears
A venture of Bartolo's; not an acre,
Nay, not a villa of our proudest princes,
But he hath cramp'd it with a mortgage; he
He only stocks our prison's with his debtors.
I saw him creeping home last night; he shudder'd
As he unlock'd his door, and look'd around,
As if he thought that every breath of wind
Were some keen thief; and when he lock'd him in,
I heard the grating key turn twenty times,
To try if all were safe. I look'd again
From our high window by mere chance, and saw
The motion of his scanty moping lantern;
And, where his wind-rent lattice was ill stuff'd
With tatter'd remnants of a money bag
Through cobwebs and thick dust I spied his face,
Like some dry wither-boned anatomy,
Through a huge chest-lid, jealously and scantily
Uplifted, peering upon coin and jewels,
Ingots and wedges, and broad bars of gold,
Upon whose lustre the wan light shone muddily,
As though the New World had outrun the spaniard,
And emptied all its mines in that coarse hovel.
His ferret eyes gloated as wanton o'er them,
As a gross Satyr on a sleeping Nymph;
And then, as he heard something like a sound,
He clapped the lid to, and blew out the lantern.

Въ той же 1-й сценѣ I-го дѣйствія появляется и самъ Бартоло. Фаціо слышитъ стоны на улицѣ и открываетъ дверь. «Святой Францискъ», восклицаетъ онъ, «что это былъ тамъ за стонъ?»

Голосъ извнѣ: Тутъ... о тутъ, сосѣдъ. Смерть, убійство, безжалостный разбой!

Фаціо (открываетъ дверь): Что это? Бартоло?

Бартоло: Благодарю васъ, другъ. Ой, ой мои старые члены; я не думалъ, чтобы они и на половину были такъ крѣпки... Но ихъ булавки (то-есть, кинжалы) кололи больно... Ихъ было шестеро... все сильные, рѣшительные люди — они хотѣли своими кинжалами заставить старика отдать его дукаты.

Фаціо: Кто же это, сосѣдъ, кто?

Бартоло: Разбойники, разбойники, лица которыхъ были закрыты черными масками, кровопійцы, которые высасываютъ нашу кровь, при чемъ, однако, ихъ тощія тѣла становятся еще болѣе худыми. Они знали, что я получилъ деньги отъ герцога, но я перехитрилъ ихъ, сосѣдъ; ни одинъ дукатъ, ни мѣдный грошъ, при пріобрѣтеніи которыхъ они могли бы перекреститься, не попалъ къ нимъ отъ стараго Бартоло. Увы, я истекаю кровью! И мое старое сердце бьется какъ часы.

Фаціо: Пошлемъ за врачомъ, мой другъ!

Бартоло: Что?... за однимъ изъ вашихъ добрыхъ мясниковъ, которые для собственнаго развлечения рѣжутъ и рубятъ наше мясо, а потомъ, Богъ съ ними, они хотятъ еще денегъ... Золото, золото или ничего! Серебро для нихъ слишкомъ низменно, звонъ его имъ непріятенъ. Неужели же я избѣжалъ грабежа только для того, чтобы давать деньги. О вотъ здѣсь, здѣсь, здѣсь... холодно, холодно, холодно, какъ въ декабрѣ.

Фаціо: Въ такомъ случаѣ позовемъ священника.

Бартоло: Священника? Одного изъ вашихъ гладкихъ, черныхъ болтуновъ, которые надоѣдливо постоянно повторяютъ имя Божіе, какъ скучный припѣвъ меланхолической баллады; которые напѣваютъ вамъ о вашемъ завѣщаніи и о щедрыхъ пожертвованіяхъ въ пользу Францисканцевъ или какой-нибудь больницы. О тутъ стрѣляетъ... здѣсь сочится кровь... О мои дукаты и слитки золота, только что прибывшіе изъ палящей Индіи! О, я забылъ запечатать тѣ драгоцѣнности, которыя я получилъ отъ Миланскаго герцога! О горе, горе! Какъ

разъ сегодня, этотъ безумный расточитель Анжело не подписать еще закладной на луга близъ Арно. Горе! Горе! Все же я ловко спасся отъ нихъ и унесъ съ собою свои дукаты. . . .» (умираеть)¹⁾.

1)

Fazio (a groan without)

Holy St. Francis! What a groan was there!

Voice without.

Within there! Oh! within there, neighbour! — Death,
Murder, and merciless robbery!

Fazio (opens the door)

What! Bartolo!

Bartolo.

Thank ye, my friend! Ha! ha! ha! my old limbs!
I did not think them half so tough and sinewy.
St. Dominic! but their pins prick'd close and keen.
Six of'em, strong and sturdy, with their daggers,
Tickling the old man to let loose his ducats.

Fazio.

Who, neighbour, who?

Bartolo.

Robbers, black crape-faced robbers,
Your only blood-suckers, that drain your veins,
And yet their meagre bodies aye grow sparer.
They knew that I had moneys from the Duke,
But I o'erreach'd them, neighbour; not a ducat,
Nay, not a doit, to cross themselves withal,
Got they from old Bartolo. — Oh! I bleed!
And my old heart lecats minutes like a clock.

Fazio.

A surgeon, friend!

Bartolo.

Ay, one of your kind butchers,
Who cut and slash your flesh for their own pastime,
And then, God bless the mark! They must have money
Gold, gold, or nothing! Silver is grown coarse,
And rings unhandsomely; Have I' scaped robbing
Only to give? . . . Oh there! there! there! Cold, cold
Cold as December.

Fazio.

Nay, then, a confessor!

Первый изъ приведенныхъ нами отрывковъ пьесы Мильмана представляетъ, на нашъ взглядъ, несомнѣнное сходство съ «сценою въ подвалѣ» въ драмѣ Пушкина. И въ самомъ дѣлѣ, Бартоло, открывающій свой сундукъ и при свѣтѣ зажженнаго имъ фонаря, сладострастно пожирающій глазами накопленные имъ золотые дукаты и драгоценности, невольно напоминаетъ намъ стараго барона, который зажигаетъ передъ каждымъ изъ открытыхъ имъ сундуковъ по свѣчѣ и испытываетъ сладострастное ощущеніе при созерцаніи «блещущихъ грудъ» золота. Пушкинъ, какъ мы уже замѣтили выше, имѣлъ случай познакомиться съ трагедіей «Фаціо» и чтеніе послѣдней, думается намъ, не прошло совсѣмъ безслѣдно для автора «Скупого рыцаря». Довольно ярко очерченный образъ скупого Бартоло, сцена въ убогой лачугѣ скряги, случайнымъ свидѣтелемъ которой былъ Фаціо и которую онъ живыми красками изобразилъ въ разсказѣ своей женѣ Біанкѣ, могли привлечь вниманіе нашего поэта и дать толчекъ его могучей творческой фантазіи, создавшей въ «Скупомъ рыцарѣ», по словамъ Бѣлинскаго, «огромное, великое произведеніе, вполне достойное генія самого Шекспира»¹⁾.

Bartolo.

A confessor! One of your black-smooth talkers,
That drone the name of God incessantly,
Like the drear burthen of a doleful ballad!
That sing to one of bounteous codicils
To the Franciscans or some hospital!
Oh! there! a shooting! — Oozing here! — Ah me!
My ducats and my ingots scarcely cold
From the hot Indies! — Oh, and I forgot
To seal those jewels from the Milan Duke!
Oh! misery, misery! — Just this very day,
And that mad spendthrift Angelo hath not sign'd
The mortgage on those meadows, by the Arno,
Oh! misery, misery! — Yet I' scaped them bravely
And brought my ducats off! . . . . (Dies).

1) Укажемъ еще на одинъ монологъ Жеронта въ комедіи Дегуша «Le Dissipateur ou l'Honnête Friponne» (напечатана въ 1736 г.; представлена въ 1753 г.). Основная идея этого монолога та же, что и монологовъ врача Двининга (въ романѣ Вальтера Скотта «Пертская Красавица») и скупого рыцаря. Это хвалебный гимнъ скупости, восхваленіе денегъ, дающихъ людямъ власть на землѣ. Подобно герою Пушкинской драмы, скряга Жеронтъ, выведенный Дегушемъ для отгѣненія главнаго лица въ его пьесѣ, зараженнаго страстью діаметрально противоположной скупости, довольствуется

ОДНИМЪ СОЗНАНІЕМЪ ВЪ ТОМЪ, ЧТО ОНЪ ИМѢЕТЪ ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛНИТЬ ВСЯКОЕ СВОЕ ЖЕЛАНІЕ:

Plus ou aime l'argent, et moins on a de vices
 Le soin d'en amasser occupe tout le coeur;
 Et quiconque s'y livre, y trouve le bonheur.
 Un ami, qu'on implore, ou refuse ou chancelle.
 L'argent est un ami toujours prompt et fidèle.
 Le plaisir d'entasser vaut seul tous les plaisirs.
*Dès qu'on sait que l'on peut remplir tous ses desirs,
 Qu'on en a les moyens, notre âme est satisfaite.
 De tout ce que je vois je puis faire l'emplette,
 Et cela me suffit. J'admire un beau château;
 Il ne tiendrait qu'à moi d'en avoir un plus beau,
 Me dis je. J'apperçois une femme charmante;
 Je l'aurai si je veux, et cela me contente.*
 Enfin, ce que le monde a de plus spécieux,
 Mon coffre le renferme, et je l'ai sous mes yeux,
 Sous ma main; et par là, l'avarice qu'on blâme,
 Est le plaisir des sens, et le charme de l'âme

(Acte III, scène 5).

А. Чебышевъ.

ПАМЯТИ

ЛЕОНИДА НИКОЛАЕВИЧА

МАЙКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

Вас. Остр., 9 лин., № 12

1902